

О. В. Томберг

«ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗА ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья сфокусирована на описании способов изображения «внутреннего человека» в концептуальном пространстве образа англосаксонского эпического героя. Несмотря на то, что раскрытие внутреннего «я» героя противоречит жанровым установкам эпоса, оно не является трансцендентным англосаксонской культуре в целом. Эпос иллюстрирует возможность изображения чувств героя на другом уровне и другими средствами по сравнению с современным осмыслением данной проблемы.

Ключевые слова: лингвокультура, художественный образ, концептуальное пространство, внутренний человек, концепт.

Определяя значимость литературы в национальной культуре и лингвокультуре, вслед за Г. Г. Шпетом, актуальным представляется изучение способов самопознания и их репрезентация в поэтической лингвокультуре. Антропологическая мера в культурном самопознании репрезентирована в двух аспектах: познание себя как «человека внутреннего» и взаимоотношения с действительностью, обращенные вовне – «человек внешний». В новейшей литературе этот баланс смещен в пользу второго члена дихотомии: в авторском фокусе находятся мысли, чувства, эмоции героя, которые эксплицированы на сюжетно-композиционном, когнитивном и лингвистическом уровнях. Такая экспликация обеспечивает не просто читательскую рефлексию, но вовлеченность и погруженность во внутренний мир героя, событие читателя и героя: читатель сопереживает, сочувствует, сострадает герою, существует с ним в едином психологическом пространстве [1].

Однако в ходе истории художественного мышления данные аспекты развивались неодновременно и непараллельно: на протяжении долгого времени в литературе доминировало познание человека через его взаимоотношения с внешней действительностью. Экспликация чувств героев во многих жанрах древней литературы была плеоназмом, культурной и жанровой избыточностью. Архаичные фольклорные жанры в этом аспекте наиболее иллюстративны: культурное самопознание, самоопределение принимает в них неожиданные и специфичные формы. Например, архаичный эпос относится к «психологически закрытым типам»: баланс в вышеупомянутой дихотомии абсолютным образом смещен в пользу «внешнего человека». В жанровом отношении героический эпос – пример объективного повествования, сфокусированный на действиях и подвигах героя и внешне лишенный любого субъективного начала. Внутреннее «я» героя не раскрыто, его чувства и переживания не эксплицированы. Однако в данном случае, в применении к архаичному фольклорному мате-

риалу, уместнее говорить о том, что они не эксплицированы привычным с современной точки зрения способом. Характерной особенностью эпоса является то что, «мысли, чувства, побудительные причины действий героя как бы не охарактеризованы» [2, с. 164]. Психология героя раскрывается иным способом, соответствующим особенностям поэтической ментальности англосаксов. Обобщая точки зрения исследователей по данному вопросу, можно говорить о «поэтике умолчания», которая предполагает несколько факторов.

Во-первых, интерес к человеку присущ героическому эпосу, и этот интерес объективирован прежде всего концентрированием эпического действия вокруг образа героя. Образ героя наделен центростремительной силой: к нему как к центральному фокусу стремится все эпическое повествование, вся сюжетика эпического действия. Во-вторых, человек – это сочетание внешнего и внутреннего, мыслей и поступков. Соответственно, при интересе к человеку вообще обе эти стороны должны были приниматься во внимание в англосаксонский период. Интерес к внешней стороне образа не требует доказательств: деяния Беовульфа – основная канва всего повествования. В-третьих, даже при таком диспропорциональном смещении угла зрения с психологической характеристики образа на внешние деяния внутреннее «я» героя очерчено. Специфика архаичного фольклорного сознания предопределяет осмысление человеческой психики через внешние поступки и проявления. Мир фольклора экстравертен, человек в нем «не рассуждает, а действует, чувства свои проявляет вовне, и они овеществлены...» [3, с. 26]. В героическом эпосе данное деятельностное начало героя реализовано в максимальной степени, отсюда тесная слитость человека с событиями [4, с. 33]. Образ национального героя в эпосе осмысливается через поступки, свершения, деяния. На наш взгляд, исследуя внутреннее мотивационное поле этих деяний, можно подойти к осмыслению внутреннего «я» эпического героя.

В целом нужно заметить, что постижение внутреннего не трансцендентно англосаксонской культуре. Данный интерес объективирован наличием лингвокультурного концепта “*mod*” – «внутренний человек» (внутренний человек, духовное начало в противоположность человеку телесному, физическому): 1) *Mín heorte and mín mód mé for-léton, tó þám þæt ic mé nyste nánne rád cor meum dereliquit me, Ps. Th. 39, 14*; 2) *ða ryhtæþelo biþ on ðam móde, næs on ðam flásce, Bt. 30, 2; Fox 110, 19*. 3) *Done blindan ðe on lichoman was gehæled ge eác on móde, Blickl. Homl. 21, 10* [Bosworth & Toller]. Далее эволюция концепта происходила посредством метонимических и метафорических переосмыслений, в результате чего семантическое поле концепта расширилось и пополнилось новыми значениями: 1) **человек**: *ðæt æðele mód (St. Andrew), Andr. Kmbl. 2486; An. 1244: (St. Juliana), Exon. 68 b; Th. 255, 4; Jul. 209. Ðæt milde mód (St. Guthlac), 43 b; Th. 146, 17; Gú. 711*; 2) **душа, ум, сердце**: *God biþ ðonne þearlwísa ðonne æfre ánig mód gewurde, Blickl. Homl. 95, 31; Módes heánes, Kent. Gl. 517; God onsende on ðara bróðra mód ðæt hí woldan his bán geniman, Bd. 4, 30; S. 608, 28. Bégan wé úre mód from ðære lufan ðisse worulde, Blickl. Homl. 57, 22*; 3) **храбрость, отвага**: *Hé hæfde mód micel, Beo. Th. 2338; B. 1167. Woldon ellenrófes mód gemiltan, Andr. Kmbl. 2785; An. 1395.b.*; 4) **гордыня, высокомерие**: *Ðæs engles mód, Cd. 1; Th. 3, 2; Gen. 29. Hyre mód ástáh, 101; Th. 134, 35; Hé wæs on swá micle ofermetto ástigen..., Ors. 6, 9; Swt. 264, 8. Næs mé for móde, Th. 87, 22; Him se mára mód getwáfde, bælc forbígde, Cd. 4; Th. 4, 14; Gen. 53. Þurh ðin (Lucifer’s) micle mód, 35; Th. 46, 2; Gen. 738*; 5) **величие**: *Heriaþ hine æfter móde his mægenþrymmes, Ps. Th. 150, 2. Mycel mód and strang ðines mægenþrymmes, 144, 5. Ne mihton forhabban werestreámes mód Cd. 167; Th. 208, 24; Exod. 448* [Bosworth & Toller].

В эпосе отмечены несколько случаев употребления данной лексемы: (напр., ...*geafon on garsecg; him wæs geomor sefa, murnende mod* (в значении *mood*), Beo 49–50 (речь здесь идет о траурном настроении воинов на похоронах Скильда); *þæt he hæfde mod micel* (в значении *courage*), *þeah þe he his magum nære...* Beo1167 (характеристика Унферта). При этом лишь одно словоупотребление характеризует Беовульфа (*þu eart mægenes strang ond on mode frod* (в значении *mind – ум, разум*) Beo1844). Данная лексема участвует в лингвостилистической разработке образа героя в виде ядра древнеанглийских композитов: *Hwilum he on lufan læteð hworfanmonnes modgeþonc* (mind, thoughts) *mæran cynnes...* (1728–1729); ... *Me þin modsefa* (soul, heart) *licað leng swa wel, leofa Beowulf* (Beo 1853–1854); ...

Sona me se mára mago Healfdenes, syððan he modsefan (heart) *minne cuðe...* (Beo 2011–2012); *Ic þæm godan sceal for his modþræce madmas beodan* (Beo 384–385); ... *Grimman grapum ond him togeanes feng oferwearp / þa werigmod* (weary in spirit) *wigena strengest...* (Beo1542–1543). Из примеров видно, что ядерная зона этнокультурного концепта «внутренний человек» лишь минимально представлена в дискурсивной разработке образа англосаксонского героя, однако ее значимость подтверждается аллитерационными сопряжениями: данные лексемы аллитерируют с важнейшими аксиологическими концептами англосаксонской культуры – слава, известность (*mæran*), ценности (*madmas*), воин (*wiga*): *modgeþonc – mæran; mára – modsefan; werigmod – wigena; modþræce – madmas*. При характеристике Беовульфа нередко встречается производное от “*mod*” – “*modig*” в значениях: 1) благородный в мыслях и деяниях; 2) храбрый, отважный: ...*Ne seah ic elþeodige þus manige men modiglicran* (Beo 336–337); *1812meces ecge; þæt wæs modig secg* (Beo 1812); *1508swa he ne mihte, no he þæs / modig wæs* (Beo 1508); *Huru Geata leod georne truwoðe modgan mægnes, metodes hyldo* (Beo 669–670); *guþe gebeodan. Gæþ eft se þe mot to medo modig, sibban morgenleoht* (Beo 603–604). Все производные лексемы экстравертны, относятся к внешней характеристике героя и более эксплицируют черты в зависимости от функциональной нагрузки образа в культуре и его жанрового задания. По мнению П. Г. Богатырева, «в фольклоре удерживаются только те формы, которые для данного коллектива являются функционально пригодными» [5, с. 372]. В контексте англо-скандинавских взаимоотношений 7–11 вв. социальная функция образа эпического героя – культурный ответ на исторический вызов, стремление к порядку, «потребность в единой концепции мира» [6, с. 31]. С помощью эпоса члены данной группы стремятся избавиться от индивидуальных и коллективных фрустраций, поскольку герой и антигерой «изобретены» человечеством, чтобы уберечь социальную организацию от разрушительной энтропии [7, с. 34]. В результате коллективно востребованными являются такие экстравертивные характеристики народного заступника, как смелость (*cræft ond sendu, sigoreadig*), отвага (*heard under helme*), мужество (*þristhydig, ellenrof*), мудрость (*frod cyning, snotor ond swyðferhð, frod on forðweg*), сила / воинская доблесть (*mægenes strang, gudhred, modig secg*). Беовульф выделен по высочайшей степени данных качеств – как воин (д. а. *secg* и *wig*) он *betstan, strengest, mildust ond monðwærust, leodum liðost ond lofgeornost*.

При этом релевантен не просто механический подсчет положительных и отрицательных качеств, «поскольку в определенной ситуации некоторые характеристики способны полностью аннулировать наличие других» [8, с. 39]. Углубление во внутренний мир предопределяет личностное начало в человеке, и «оно сказывается тем сильнее, чем больше эти переживания находятся в противоречии с общественными установлениями» [9, с. 476]. Национальный герой в англосаксонский период осмысливается как непротиворечивая личность, в которой внутреннее содержание и внешние проявления находятся в согласии. Чувства и мысли, конституирующие внутреннее пространство образа, подчинены мотивационно-потребностным и ценностным установкам личности героя и шире – аксиологическим доминантам англосаксонской культуры в целом, поскольку эпос репрезентирует «специфическое ... гармоническое единство богатыря и коллектива», при этом общественные моральные принципы «осуществляются в индивидуальном подвиге богатыря» [10, с. 21]. Мысли и чувства героя осмысливаются в его деяниях, и содержание его мыслей, чувств, переживаний ни у кого не могло вызвать никаких сомнений [2, с. 165]. Подобный деятельностный вектор осмысления предназначения и, со-

ответственно, мира героя подтверждается на лексическом уровне: в кульминационные моменты повествования частотность глаголов очень высока.

Центр семантической зоны «внутреннее я» – дух, душа, сердце; данные концепты точно представлены в разработке образа героя: *sefa, heort* (*Reste hine þa rumheort Beo, 1799; næs him hreoh sefa Beo 2180*). Спецификой данных словоупотреблений является то, что они не ориентированы на экспликацию внутреннего состояния или мира героя, они так же экстравертны, как и другие характеристики и иллюстрируют отношение героя к своему королю и соплеменникам.

Воины-соплеменники, в отличие от героя, более свободны в проявлении своих чувств и эмоций: *modgiomor sæt* (*Beo, 2894*), *werigmod wigena* (*Beo, 1543*), *hreow on hreðre* (*Beo, 2328*); *geómor sefa* (*Beo, 49*) и т. д.

Таким образом, внутреннее «я» героя англосаксонского периода не выражено лексемами – концептами внутреннего состояния человека, однако оно не является культурной лакуной в целом. Внутреннее пространство образа осмысливается в деятельностном аспекте, что соответствует жанровому заданию и функциональному предназначению образа в культуре.

Список литературы

1. Шпет Г. Г. Искусство как вид знания: избранные труды по философии культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 712 с.
2. Гуревич А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. М., 1986. С. 162–174.
3. Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 16–28.
4. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 560 с.
5. Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
6. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.: КАРО, 2008. 240 с.
7. Сапронов П. А. Феномен героизма. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. 512 с.
8. Ли Б. В. О структурной организации концепта “Man” и проблеме устойчивости оценочных характеристик мужественности (на материале английского языка) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). Вып. 3 (131). 2013. С. 37–40.
9. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 928 с.
10. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.

Томберг О. В., кандидат филологических наук, доцент.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002.

E-mail: olgatomb@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

O. V. Tomberg

“INNER MAN” IN CONCEPTUAL SPACE OF THE IMAGE OF THE EPIC HERO IN ANGLO-SAXON POETIC LINGUO-CULTURE

The article focuses on describing the ways of revealing a phenomenon of “inner man” in conceptual space of the image of Anglo-Saxon epic hero. Despite the fact that revealing the hero’s “inner self” doesn’t fit within an epic genre framework it is not alien to Anglo-Saxon culture. The epic genre illustrates that feelings and emotions can be disclosed on other levels and by other means unlike contemporary interpretation of the phenomenon. The specific character of archaic folklore mentality can’t but influence the process of understanding and revealing the inner world of an epic hero through his actions and external manifestations. The inner space of the image of the epic hero is viewed in the light of the action approach which is coherent with the genre intention and functional meaning of the image in the culture framework.

Key words: *linguoculture, artistic image, conceptual space, inner man, concept.*

References

1. Shpet G. G. *Iskusstvo kak vid znaniya: izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a type of cognition. Selected works on philosophy of culture]. Moscow, Rossiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2007. 712 p. (in Russian).
2. Gurevich A. Ya. *Voprosy kul'tury v izuchenii istoricheskoy poyetiki* [Culture issues within historical poetic studies]. *Istoricheskaya poetika*. Moscow, 1986, pp. 162–174 (in Russian).
3. Nikitina S. E. Serdtse i dusha fol'klornogo cheloveka [Heart and soul of a folklore man]. *Logicheskiy analiz yazyka: obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moscow, 1999. pp. 16–28 (in Russian).
4. Mihaylov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germeneytika* [Selected works. Historical poetics and hermeneutics]. St. Petersburg, Izdatelstvo SPbGU Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
5. Bogatyrev P. G., Yakobson R. O. Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva [Folklore as a special type of art]. *Voprosy narodnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971, pp. 369–383 (in Russian).
6. Plahov V. D. *Geroi i geroizm. Opyt sovremennogo osmysleniya vekovoy problemy* [Heroes and heroism. An experience of contemporary research into eternal problem]. St. Petersburg, KARO Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
7. Sapronov P. A. *Fenomen geroizma* [The phenomenon of heroism]. Saint-Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2005. 512 p. (in Russian).
8. Li B. V. O strukturnoy organizatsii kontsepta “Man” i probleme ustoychivosti otsenochnykh harakteristik muzhestvennosti (na materiale angliyskogo yazyka) [On the structural organization of the concept “Man” the problem of stability assessment characteristics of masculinity (in the English language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, no. 3 (131), 2013, pp. 37–40 (in Russian).
9. Steblin-Kamenskiy M. I. *Trudy po filologii* [Works on philology]. St. Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU Publ., 2003. 928 p. (in Russian).
10. Meletinskiy E. M. *Proishozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The origin of heroic epic: early forms and archaic works]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. 462 p. (in Russian).

Ural Federal University.

Ul. Mira, 19, Ekaterinburg, Russia, 620002.

E-mail: olgatomborg@yandex.ru